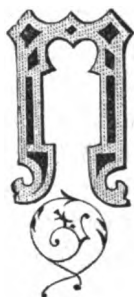

Записка о Кіевскомъ университетѣ св. Владиміра въ 1838 году ¹⁾.

начальныя событія, сопровождающія почти каждый годъ существованія вновь учрежденнаго Кіевскаго университета, невольно заставляютъ обратить на него вниманіе правительства. Къ сожалѣнію, событія сіи таковы, что предполагаютъ въ семъ младенцѣ существованіе такой болѣзни, отъ коей самыя возмужалые нисходятъ въ могилу, увлекая за собой тысячи.

Послѣ сего самое существованіе университета невольно обращается въ

¹⁾ Записка эта находится въ рукописномъ сборникѣ Императорской Публичной бібліотеки (Ф. XVII. 63, л. 96—102). Рукопись нѣкогда принадлежала П. И. Саввантову и описана, въ числѣ другихъ бывшихъ рукописей Саввантова, И. А. Бычковымъ. (См. И. А. Бычковъ. Каталогъ собранія рукописей П. И. Саввантова, нынѣ принадлежащихъ Императорской Публичной бібліотекѣ. Вып. I. Спб. 1900. Стр. 209—210). Хотя записка переписана писцомъ и подписи на ней нѣтъ; но, по всей вѣроятности, она принадлежитъ перу Иннокентія (Борисова), впоследствии архіепископа херсонскаго и таврическаго, такъ какъ въ ней встрѣчаются собственноручныя поправки архіепископа.

Какъ извѣстно, Иннокентій былъ воспитанникомъ Кіевской духовной академіи, потомъ тамъ же профессоромъ, ректоромъ съ 1835 г. по 1841 г. епископомъ чигиринскимъ, викаріемъ Кіевской епархіи. Онъ былъ связанъ искренней дружбой съ проф. Кіевскаго университета М. А. Максимовичемъ, бывшимъ ректоромъ университета въ началѣ его существованія. — Такимъ образомъ и долгое время пребываніе въ Кіевѣ, и официальное положеніе какъ профессора, ректора, наконецъ, епископа, неизбежно вводили Иннокентія въ интересы жизни университета.

Когда была написана „записка“, ясно видно изъ содержанія, именно въ концѣ ея говорится: „Какъ закрыть университетъ св. Владиміра?—закрытъ послѣ четырехъ лѣтъ бытія?“ Кіевскій университетъ былъ открытъ 15-го іюля 1834 года; слѣдовательно, „записка“ была написана во второй половинѣ 1838 г. Г. Е.

*

вопросъ. Слѣдующія, взятая изъ опыта, соображенія могутъ служить къ проясненію сего важнаго предмета.

Для чего учрежденъ университетъ св. Владиміра въ Кіевѣ? Университетъ сей, кромѣ цѣли, общей всѣмъ россійскимъ университетамъ, имѣетъ еще частную цѣль—доставить юношеству возвращенныхъ отъ Польши губерній высшее образованіе и вмѣстѣ съ нимъ русское направленіе образа мыслей и чувствъ. Цѣль прекрасная, но достиженіе ея посредствомъ университета въ Кіевѣ—крайне затруднительно. Во-первыхъ, Кіевъ, несмотря на то, что называется и есть дѣйствительно мать городовъ русскихъ, по духу настоящихъ жителей своихъ, едва годится и въ мачихи. Не мѣсто объяснять здѣсь причины сего печальнаго явленія: довольно сказать, что каждый русскій, побывавъ въ Кіевѣ, тотчасъ видитъ это. Населеніе его составляетъ смѣсь Россіи, Польши и Малороссіи: тутъ ли набраться русскаго духа?—Кромѣ сего, предназначеніе особаго университета для польскаго юношества открываетъ ему, посредствомъ студенческихъ собратствъ, всю удобность не только удерживать, но и усиливать, даже прививать другимъ антирусскій духъ, принесенный съ собою изъ домовъ родительскихъ. Со-всѣмъ другое въ университетахъ внутри Россіи: тамъ, польское юношество, состоя въ меньшемъ числѣ, невольно теряется въ массѣ русской, и занимаетъ отъ нея русскій духъ. Самая близость къ домамъ родственниковъ, частыя свиданія съ ними, посѣщенія ихъ во время вакацій служатъ поводомъ къ непрестанной электризаціи духа воспитанниковъ Кіевскаго университета въ пользу антирусскаго образа мыслей. Отсюда само собою открывается, что достигнуть цѣли, предположенной университету св. Владиміра, было весьма трудно въ Кіевѣ, по самому характеру и географическому положенію сего города.

Какія мѣры приняты были къ достиженію цѣли университета св. Владиміра? Судя по важности цѣли сего университета и вмѣстѣ по трудности достигнуть ея, надлежало ожидать, что для достиженія ея будутъ приняты особенныя мѣры, приближающія цѣль и отдаляющія препятствія. Но сего, къ сожалѣнію, не было, по крайней мѣрѣ—не было въ достаточномъ видѣ и съ надлежащею силою.

Главныя мѣры могли быть слѣдующія:

1) Врученіе надзора за студентами людямъ съ русскимъ духомъ, которые могли бы, не ограничиваясь одною внѣшнею дисциплиною, вникать въ ихъ духъ и отношенія.

2) Недопущеніе студентовъ изъ поляковъ заводить между собою особаго общества и явно отдаляться отъ студентовъ русскихъ.

3) Наполненіе каедръ профессорскихъ русскими достойными преподавателями.

4) Дружное устремленіе самаго образа преподаванія наукъ противъ духа польскаго.

5) Строжайшій разборъ поступавшихъ въ университетъ воспитанниковъ.

6) Обузданіе всѣхъ проявленій духа антирусскаго.

7) Предназначеніе кончившихъ курсъ студентовъ изъ поляковъ на службу въ Россію.

Безъ всякаго предосужденія чьей-либо личности, должно сказать, что ни одна изъ сихъ мѣръ не была употреблена какъ должно.

Кому врученъ былъ надзоръ за студентами? Большею частію нѣмцамъ и даже полякамъ, кои едва умѣютъ сказать хорошо пять словъ по-русски. При томъ эти надзиратели весьма часто были перемѣняемы, такъ что и при всей способности своей не могли пріобрѣсти точныхъ свѣдѣній о студентахъ. Отсюда понятно, какъ студенты могли дѣлать революціонныя совѣщанія въ самомъ домѣ университетскомъ,—можно сказать,—подъ глазами начальниковъ.

Кѣмъ и наполнены были катедры профессорскія? Большею частію поляками, кои были наставниками въ покойномъ Кременецкомъ лицѣѣ, скончавшемся, какъ извѣстно, отъ революціоннаго польскаго тифа. Пустить такихъ людей наставниками въ новый университетъ безъ выдержанія карантина было явнымъ нарушеніемъ карантиннаго устава. Правда, что большая часть ихъ умѣла себя сохранить отъ явнаго личнаго вмѣшательства въ послѣднее несчастное событіе. Но нѣкоторые однако же не боялись по временамъ обнаруживать свои кременецкія правила и въ Кіевѣ, за что и были переведены въ другія мѣста.

Допущеніемъ профессоровъ поляковъ въ университетъ Кіевскій хотѣли: 1) дать имъ мѣсто и занятіе, 2) привлечь сею мѣрою скорѣе польское юношество въ новый университетъ. Но а) мѣста можно было дать въ университетахъ русскихъ; в) юношество польское и безъ сей мѣры пошло бы учиться въ Кіевскомъ университетѣ, по одной необходимости—учиться гдѣ-либо. А не бѣда была бы, если бы часть его устремилась въ другіе русскіе университеты; ибо накопленіе его въ Кіевѣ было одною изъ причинъ, что между студентами образовался духъ касты польской.

Одна, впрочемъ непредвидѣнная вовсе, польза произошла отъ допущенія профессоровъ польскихъ въ университетъ Кіевскій,—то, что и русскіе и самые поляки увидѣли, что прославленные у поляковъ кременецкіе гении суть люди самые посредственные, никакъ не могущіе идти въ научное состязаніе съ профессорами русскими.

Было ли преподаванію наукъ въ университетѣ дано направленіе антипольское? Преподаваніе наукъ безъ всякаго ущерба ихъ достоинству могло и должно было принять въ университетѣ

св. Владиміра направленіе особенное, антипольское. Въ этомъ долженствовало быть первое противоядіе недугу, заражающему несчастное польское юношество. Было ли употреблено это противоядіе? Нисколько. Каѳедра исторіи, которая особенно могла бы раскрывать глаза на участь страны и ея значеніе истинно русское, посвящала свои особенные труды македонянамъ и персамъ. Каѳедры наукъ политическихъ, кои также могли бы дѣйствовать на искорененіе революціонныхъ предразсудковъ, оставались или нѣмыми или праздными.

Допущеніе преподаванія закона Божія на польскомъ языкѣ также было слѣдствіемъ не соображенія политическаго. Когда студенты въ состояніи были слушать всѣ прочія лекціи на русскомъ языкѣ, то почему не могли принимать на немъ и законъ Божій? Между тѣмъ употребленіе польскаго языка въ преподаваніи религіи оставляетъ за собою глубокіе слѣды на всю жизнь въ душѣ воспитанника, сливая въ понятіи его сей языкъ со всѣмъ, что есть для человѣка самаго священнаго.

Былъ ли дѣланъ надлежащій политическій разборъ при принятіи воспитанниковъ въ университетъ? Судя по программѣ и правиламъ, опубликованнымъ для свѣдѣнія желающимъ поступить въ университетъ, можно было опасаться, что никто не будетъ принятьтъ, или надѣяться, что университетъ св. Владиміра составится изъ слушателей, могущихъ быть тотчасъ профессорами, ибо правила сіи такъ строги въ требованіяхъ, что имъ могъ удовлетворить рѣдкій профессоръ университета, и опубликовать ихъ можно было только съ тѣмъ, чтобы никогда не исполнять и дать полякамъ новый случай сказать, что русскій законъ строгъ на одной бумагѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, приложеніе сихъ правилъ къ опыту тотчасъ открыло ихъ совершенную неисполнимость. Въ университетѣ напранято много такихъ людей, кои не могли быть хорошими гимназистами. Опасались, что поляки не пойдутъ въ новый университетъ (страхъ совершенно напрасный), всего болѣе имѣя въ виду умноженіе чиселъ. Но въ семь случаѣ обнаружилось, что числа не всегда, какъ говорится, управляютъ міромъ, а нерѣдко разстроиваютъ міръ. Впускаемая (ради умноженія чиселъ) безъ всякихъ политическихъ соображеній, молодежь польская оказалась дальновиднѣй старости русской, не замедля вступить въ университетъ съ своими политическими соображеніями. Между тѣмъ, когда бы не преобладала въ семь дѣлѣ ариѳметика, многихъ изъ желающихъ поступить въ университетъ надлежало бы, подѣ предлогомъ самыхъ экзаменскихъ правилъ, не впускать въ него, именно всѣхъ тѣхъ, коихъ отцы или ближайшіе родственники были замѣшаны въ прошедшемъ бунтѣ. Пусть бы ѣхали учиться въ университеты внутри Россіи!

Было ли достаточно обуздываемо проявленіе духа,

явно антирусскаго? Въмѣсто обузданія нѣкоторые находили въ семь случаевъ едва не поощреніе. Такъ, одинъ изъ адъюнктовъ обнаружился съ очевидною ненавистью къ Россіи. Что же? Въмѣсто того, чтобы уничтожить или обезсилить заразу, въ немъ скрывающуюся, его послали директоромъ въ Харьковскую гимназію, то есть возвели на мѣсто высшее и при томъ такое, гдѣ онъ, по должности начальника, можетъ сообщить политическую заразу многимъ.

Кромѣ сего, студенты изъ поляковъ съ самаго начала видимо отдѣлились отъ студентовъ русскихъ и, во все пребываніе свое въ университетѣ, составляли свое особенное общество, которое давало публичные столы въ честь разныхъ лицъ и пр. На этотъ весьма важный признакъ тайной болѣзни не обращено было вниманія. За годъ передъ симъ одинъ студентъ (какъ теперь оказалось, главный коноводъ зла) ушелъ за границу, повидимому безъ особой причины. Эта безпричинность побѣга давала знать о тайныхъ причинахъ зла, но и этотъ симптомъ болѣзни, скрывавшейся въ университетѣ, оставленъ врачами безъ дальнѣйшаго изслѣдованія.

Приняты ли достаточныя мѣры, по окончаніи курса студентовъ, для дальнѣйшаго ослабленія въ нихъ польскаго духа? Нисколько. Въмѣсто того, чтобы послать ихъ на службу въ Россію, имъ дали мѣста въ западныхъ губерніяхъ, а нѣкоторыхъ уволили за границу, снабдивъ на дорогу еще деньгами отъ казны.

Судя по такому образу дѣйствій касательно управленія университетомъ и округомъ Кіевскимъ, нельзя было не опасаться печальныхъ послѣдствій. Къ сожалѣнію, опытъ успѣшилъ оправдать сіи опасенія въ такой мѣрѣ, что теперь самое дальнѣйшее бытіе университета обращается въ вопросъ.

Откуда возникла фальшивая система дѣйствій? Злонамѣренность въ семь случаевъ предполагать нельзя. Она возникла:

1) Отъ незнанія польскаго духа, положенія здѣшняго края и природнаго свойства университетовъ.

2) Отъ необдуманнаго желанія казаться великодушными тамъ, гдѣ благородная, справедливо-умѣренная строгость есть истинное великодушіе.

3) Отъ личнаго пристрастія въ доставленіи мѣстъ родственникамъ и знакомымъ, не справляясь хорошо съ степенью ихъ удѣльной способности къ тому.

4) Отъ желанія умножить число школъ и учащихся во что бы то ни стало: ибо это составляло заслугу предъ начальствомъ.

Виновенъ ли самъ университетъ въ злѣ, отъ него, повидимому, происшедшемъ? Университетъ самъ въ этомъ невиновенъ. Русскіе профессора, особенно нѣкоторые, исполняли свое

дѣло не только со всѣмъ добросовѣстіемъ, но и съ отличнымъ успѣхомъ, постоянно имѣя въ виду обезсиліе польскаго духа. Только, къ сожалѣнію, сіи достойные преподаватели не видѣли къ себѣ благосклоннаго вниманія въ той мѣрѣ, въ какой его заслуживали. Увольненіе отъ ректорской должности профессора Максимовича среди курса учебнаго послужило весьма не на пользу для юнаго университета ¹⁾.

Можно ли скоро исправить допущенные недостатки и что для сего нужно? Недостатки въ системѣ дѣйствій исправить довольно легко: слѣдуетъ только принять другія правила дѣйствій.

Но для сего необходимо нужно перемѣнить дѣйствователей, именно, нужно удалить и отъ надзора и отъ преподаванія поляковъ и нѣмцевъ. Какъ можетъ вселить русскій духъ тотъ, кто самъ его не имѣетъ? А послѣ перемѣны людей надобно для исправленія зла обратиться къ прочимъ мѣрамъ, кои указаны выше.

Но всѣмъ этимъ можетъ быть исправлена система дѣйствій, а понятіе объ университетѣ публикѣ нельзя исправить ничѣмъ дотолѣ, пока само время не покажетъ, что опасная болѣзнь, его заражавшая, прошла.

Не должно ли закрыть Кіевскаго университета? Судя по самой трудности достиженія цѣли, предположенной университету Кіевскому, тѣмъ паче по несчастному опыту недостиженія ея въ такомъ огромномъ видѣ, первая, представляющаяся уму, мысль есть та, чтобы вертоградъ, принесшій вмѣсто винограда не только терніе, а растеніе ядовитое, былъ вовсе оставленъ. Къ той же мысли можетъ вести взглядъ на число университетовъ въ Россіи, которыхъ, судя по истиннымъ нуждамъ отечества, а не по рабскому подражанію иностранной системѣ народнаго образованія, и безъ Кіевскаго университета, весьма достаточно, между тѣмъ какъ примѣчается значительный недостатокъ въ высшихъ училищахъ спеціальныхъ, кои, будучи гораздо прямѣе университетовъ направлены къ извѣстнымъ общепользнымъ цѣлямъ, по сему самому всегда были и сами спокойнѣе, и для общества полезнѣе.

Но за университетъ Кіевскій есть одинъ такой ходатай, противъ котораго трудно сказать что-либо русскому. Это—имя св. Владиміра, коего памяти посвященъ сей университетъ. Какъ закрыть университетъ св. Владиміра? — закрыть послѣ четырехъ лѣтъ бытія? — Это было бы не по-русски! Лучше сдѣлать сей университетъ истинно русскимъ, какимъ онъ не былъ доселѣ, и какимъ долженъ быть, даже преимущественно предъ другими университетами. Тогда, и только тогда, можно будетъ судить и осуждать самый университетъ, между тѣмъ какъ теперь онъ самъ, можно сказать, просить суда въ томъ, что ему не дали быть, чѣмъ должно. Сообщилъ Г. Кунцевичъ.

¹⁾ М. А. Максимовичъ былъ ректоромъ съ іюля 1834 г. по конецъ декабря 1835 г.